

М. Б. КОЗЬМИН

ЖУРНАЛ «УТРА» И ЕГО МЕСТО В РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XVIII ВЕКА

3 мая 1782 года в прибавлении к № 35 «СПб. ведомостей» появилось следующее извещение: «С мая месяца впредь на полгода начнется выходить по вторникам журнал под названием „Утро“, где печатаются всякого рода сочинения и некоторые переводы; имеющие у себя билеты на сей журнал и желающие брать их с заплакою по 2 р., а также и те, кому угодно будет, чтоб помещались их сочинения, благоволят присылать к переводчику Торно в Луговой Миллионной в Позняковом доме под № 72».

Издателем журнала «Утра» (в извещении его название дано не совсем точно) был молодой, но известный уже тогда в Петербурге актер Петр Алексеевич Плавильщиков. Выходец из небогатой купеческой семьи, близкий к передовым кругам московской интеллигенции, Плавильщиков получил весьма солидное и необычное для актеров того времени образование. Он окончил философский факультет Московского университета. Живой интерес и любовь к отечественной истории и литературе, непосредственное влияние известного профессора Д. С. Аничкова, на попечение которого был отдан отцом Плавильщиков, патриотическое и демократическое воспитание, полученное им на лекциях Д. С. Аничкова, С. Е. Десницкого и А. А. Барсова, и, наконец, страстное увлечение идеей создания русского национального театра определили круг интересов и общественно-политические взгляды будущего актера, драматурга и журналиста.

Большое значение имело для Плавильщикова его участие в первой постановке «Недоросля». Оно непосредственно предшествовало изданию «Утра». В это время Плавильщиков лично познакомился с Фонвизиним, который, как известно, сам читал

роли своей комедии каждому из актеров, в ней участвовавших. Известно также, что Фонвизин сам назначал исполнителей на ту или иную роль, и весьма возможно, что роль Правдина, выражающую взгляды самого автора, он поручил именно Плавильщикову, потому что видел в нем человека, близкого себе по убеждениям. Так или иначе, но влияние просветительских и обличительных идей Фонвизина ощущается в журнале «Утра», который Плавильщиков начал издавать как раз в то время, когда его работа с Фонвизиним над ролью Правдина была прервана запрещением постановки «Недоросля».

Университетское образование, усвоение передовых воззрений времени подготовило Плавильщикова к выступлению в роли издателя журнала, пропагандировавшего просветительские идеи, высмеивавшего пороки дворянского общества и боровшегося за развитие русской национальной культуры. В 1779 году Плавильщиков дебютировал на петербургской сцене. Издание журнала «Утра» было его дебютом на литературном поприще. Он проявил себя здесь не только как издатель, но и как сатирик и теоретик театра. Ему принадлежат опубликованные в журнале «Рассуждения о зрелищах», ответ издателя на письмо неизвестного вельможи и, по всей вероятности, стихи об утре, которыми открывается журнал.

В книгах по истории русской журналистики о журнале «Утра» или не говорится вовсе, или он упоминается в перечне малозначительных и неинтересных журналов 1770—1780-х годов. Долго не упоминался журнал «Утра» и в статьях о самом Плавильщикове, хотя принадлежность журнала последнему стала известна еще в 1866 году. В этом году вышли воспоминания И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь», в которых автор сообщал, что Плавильщиков издавал еженедельник под названием «Утра» и что в этом журнале автор воспоминаний опубликовал свои стихотворения «Идиллия» и «На смерть доктора Вира».

Несмотря на это прямое и не вызывающее сомнений указание, на журнал «Утра» было обращено внимание лишь советскими литературоведами, да и то только в последние годы. В 1946 году о нем упомянул Д. Д. Благой в своем учебнике по истории русской литературы XVIII века,¹ а в следующем году — Г. В. Битнер в статье о Плавильщикове, помещенной в IV томе «Истории русской литературы».² Краткую характеристику содержания журнала дали Л. И. Кулакова в своей книге о Пла-

¹ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Учпедгиз, М., 1946.

² История русской литературы, т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947.

вильщикове³ и А. Д. Оришин в диссертации «Творчество П. А. Плавильщикова».⁴ Оценка журналу «Утра» в этих работах дается разная. Так, например, Г. Битнер считает, что «в политическом отношении журнал ориентировался на передовую западноевропейскую публицистику», а в литературном он выражал «сентиментальные устремления».⁵ Д. Д. Благой, Л. И. Кулакова и А. Д. Оришин утверждают, что «Утра» продолжали национальную сатирическую традицию — традицию журналов Новикова, а в области эстетики отстаивали каноны классицизма. И это, безусловно, более верно. Но, дав в общем правильную оценку журналу «Утра», ни Л. И. Кулакова, ни А. Д. Оришин не проанализировали подробно его содержания, не установили его роль и место в развитии русской журналистики 70—80-х годов XVIII века. В результате этот журнал получил освещение лишь как отдельный факт из биографии Плавильщикова, а не как довольно яркий эпизод из развития русской журналистики.

Между тем журнал «Утра» должен занять свое место в истории русской журналистики XVIII века. Если игнорировать его существование, то в истории сатирической русской журналистики получается большой разрыв: от журналов Новикова 1769—1774 годов до крыловской «Почты духов» 1789 года. Принято считать, что жестокая правительственная реакция и заметное поправление значительной части дворянских писателей после восстания под руководством Пугачева вызвали прекращение сатирической журналистики, ее молчание, длившееся пятнадцать лет. Действительно, гонения Екатерины II на передовую общественную мысль затормозили развитие сатирической журналистики. Но оно не было совершенно прервано. Именно журнал Плавильщикова «Утра» и явился (и мы это попытаемся доказать) связующим звеном между новиковскими журналами и сатирической журналистикой Крылова. Он был единственным печатным журналом, который в это тяжелое для передовой русской журналистики пятнадцатилетие продолжил сатирические, обличительные традиции Новикова.

Уведомляя читателей о задачах, которые он перед собой ставит, Плавильщиков писал: «Издавая сии листочки, имею намерение услужить моим друзьям, которые желают, чтобы написанные ими штучки были напечатаны; я всевозможно буду стараться ис-

³ Л. И. Кулакова. П. А. Плавильщиков. Изд. «Искусство», М.—Л., 1952.

⁴ А. Д. Оришин. Творчество П. А. Плавильщикова. Дисс., Львов, 1951.

⁵ История русской литературы, т. IV, стр. 501, 502.

полнить их волю».⁶ Однако ознакомление с содержанием журнала «Утра» убеждает нас в том, что Плавильщиков печатал не случайные «штучки»⁷ своих друзей, а довольно тщательно подобранный материал сатирического и просветительного характера.

Круг сотрудников «Утра» очень трудно установить, так как все оригинальные произведения печатались в нем без подписи. С уверенностью можно назвать лишь Я. Б. Княжнина («Послание к российским питомцам свободных художеств») и И. И. Дмитриева («Идиллия», «На смерть доктора Вира», эпиграмма на жанр «снов»). В журнале перепечатывались также произведения уже умерших русских писателей — басня Сумарокова «Спорщица», басни В. Майкова «Общество» и «Старик и старуха». Но большую часть журнала занимали произведения, авторы которых до сих пор еще не установлены. Это сатирические повести в стихах и прозе: «Быль», «Путешествие Кара-Булата», «Свой ум — царь в голове», ода «На торжественное открытие монумента Петра Великого» и теоретические статьи «Нечто о переводах», «О зрелищах». В них мы находим подчас довольно резкие и смелые обличения темных сторон тогдашней русской действительности, сатиру на жестоких помещиков, тиранящих своих крестьян, на честолюбивых вельмож, утопающих в роскоши, на царских чиновников, грабящих народ, на корыстолюбивое духовенство, обманывающее своих прихожан, на бездарных поэтов-льстецов и невежественных профессоров-педантов.

Как и вся доредицшевская сатира, авторы этих произведений не поднимаются до сколько-нибудь радикальных выводов. Они стоят на умеренно просветительских позициях. Осуждая произвол помещиков и царской власти, они не сомневаются в законности и справедливости самодержавно-крепостнического строя. К ним вполне подходят слова, сказанные Добролюбовым по поводу новиковской сатиры о том, что она нападала «не на принцип, не на основу зла, а только на злоупотребления того, что в наших понятиях есть уже само по себе зло».⁸ Основная мысль, развиваемая в журнале, была такова: все отрицательные явления современной жизни — это результат невежества и развращенности нравов; главное лекарство от всех болезней — про-

⁶ «Утра», 1782, май, л. 1. (В дальнейшем ссылки на этот источник даются в тексте).

⁷ Словом «штучки» Плавильщиков перевел французское слово «*pièce*», употребившееся в то время в русском литературном обиходе в значении «произведение». — *Прим. Ред.*

⁸ Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в 3-х томах, т. 2, Гослитиздат, М., 1952, стр. 362.

свещению. За просвещение, за развитие отечественной культуры и вел борьбу журнал Плавильщикова.

Направление журнала весьма ясно выражено в стихотворном вступлении, которым он открывается. Эти стихи объясняют и название журнала. Сначала в них дается картина пробуждения природы и людей под лучами восходящего солнца. Утренние лучи, заявляет автор стихов, должны помочь человеку лучше понять окружающую его действительность, найти пути к счастью, к постижению истины. И далее в стихах развиваются философские и социальные идеи, указывающие на то, что автор их является учеником и последователем передовых и демократических русских мыслителей того времени. Особенно ясно ощущается связь с морально-философской концепцией Аничкова. Как и Аничков, автор стихов об утре одним из главных препятствий, стоящих на пути к счастью и познанию истины, считает эгоистические страсти, которые проявляются у людей в двух основных формах — честолюбии и корыстолюбии. «Честолюбие и сребролюбие», — говорит Аничков, — это «главнейшие нарушители спокойствия душевного».⁹ В полном согласии с ним автор стихов об утре рисует образы честолюбца и корыстолюбца, причем в его изображении они приобретают реальные черты знатных вельмож и богачей екатерининской эпохи.

Вот надменный вельможа. С негодованием обличает поэт его честолюбивые помыслы.

Он хочет приобрести над всем верховну власть;
Но властвует над ним любочестива страсть.

(Май, л. 1).

А вот корыстолюбец, стяжатель. Он с утра плетет злые козни, «чтоб деньги собирать, глупцов манить на уду». С презрением пишет автор о богаче-стяжателе, в котором жажда к наживе уничтожает все подлинночеловеческие чувства:

Он подл, он низок, раб, где дань прибытку зрит;
В душе его к себе и к ближним стыд забыт.

(Май, л. 1).

Так, люди «не справяся умом, в чем счастье полагать», отдаются во власть порочным, эгоистическим страстям. Но счастья они таким путем, конечно, не достигают и продолжают роптать на свою судьбу. Таков довольно безрадостный вывод поэта. Но автор стихов об утре находит людей, не погрязших в честолюбии-

⁹ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1. Госполитиздат, М.—Л., 1952, стр. 159.

вых или корыстолюбивых помыслах. Это — крестьяне. Поэт рисует образ скромного, трудолюбивого, добродетельного земледельца, который находит истинное счастье в своем труде, в семейных радостях. Только у него радостный восход солнца не омрачается ни дурными помыслами, ни дурными делами:

Он бодрственно встает, познав восход денницы,
Водою чистою обмыв лицо, зеницы,
Веселою рукой приемлет тяжкий плуг,
Недро земли дерет, готовит к пашне луг,
Чем он свою семью спокойно пропитает.
Он шума пышностей совсем не понимает;
Но в доме у себя находит тьму утех,
Повелевает всем, почтен, любим от всех.

(Май, л. 1).

Это восхваление трудовой жизни крестьянина-пахаря, восхищение его нравственной чистотой, явное противопоставление его развращенному высшему свету говорит о демократических симпатиях автора стихов об утре.

Можно возразить, что восхваление в «Утрах» добродетельного крестьянина — примерного труженика и семьянина и изображение прелестей его жизни напоминают обычную сельскую идиллию, столь характерную для дворянской литературы XVIII века. Но ведь автор не говорит, что жизнь русского крестьянина именно такова, какой он ее изобразил. Нет. Жизнь пахаря должна быть такой и могла бы быть такой, «когда б его покой помещик не мутил». Радостный труд и семейное счастье — «вот жребий, к коему назначен земледелец». Но в действительности он погружен в «сурову нищету». Виной этому жестокий помещик:

Но гордый сих семей трудящихся владелец
Приносит в жертву их тщеславию своему;
Надменному его мечтается уму,
Что жизнь сотворена людей ему подвластных
К утехе воль его сластолюбивых, страстных;
На троне роскоши сидит он возвышен,
В деревню целую богато облечен,
И бархат златошвен имеет под ногами,
Раскрашен, испещрен крестьянскими слезами.

(Май, л. 1).

В таком далеко не идиллическом освещении изображает поэт отношения крестьян и помещиков. Не барин-отец, а жестокий деспот, разоряющий крепостных ради своих прихотей, — таким предстает помещик в стихах об утре. И здесь уже чувствуется традиция Новикова, традиция обличения помещичьего произвола. Так, в журнале «Утра» находит свое продолжение

сатира «Трутня» и «Живописца». Правда, она выступает в несколько ослабленном виде, поскольку, обличая жестокого помещика и выступая в защиту крепостного крестьянина, автор стихов об утре оправдывает такой общественный порядок, при котором одни являются господами, а другие — их крепостными. «Почто же естество часть смертных разделило, владыкам их рабов на службу покорило?» — спрашивает поэт и отвечает:

На то, чтоб были все блаженными равно;
Пред троном божества пастух и царь одно.

(Май, л. 1)

К какому состоянию ни принадлежал бы человек (к дворянам ли, к крестьянам), он имеет право на счастье и может быть счастлив, честно выполняя свои обязанности перед обществом. И господин и крепостной — это люди, обладающие одними и теми же чувствами. И в этом отношении они равны. Автор понимает равенство людей не как социальное равенство, а в отвлеченно-моралистическом смысле. Обеспечить всем сословиям счастливую жизнь должна высшая власть, сосредоточенная в руках просвещенного монарха. Оправдывая таким образом самодержавно-крепостнический строй, поэт осуждает крестьянские восстания как проявление разрушительной силы страстей. Он, как видно, помнит пугачевское движение и имеет его в виду, когда пишет:

Но подданны всегда ль внимают глас царя?
Бунтуют иногда под скиптром правосудным,
Воспалены страстей движеньем безрассудным.

(Май, л. 1).

Отрицательное отношение к крестьянским восстаниям, вера в «просвещенного монарха» свидетельствуют о том, что автор стихов об утре не смог выйти за рамки дворянско-крепостнической идеологии. Но подобные воззрения разделялись в то время даже такими демократически настроенными просветителями, как Новиков и Десницкий, которые считали невозможным дать крестьянам «права и преимущества».¹⁰ Для них всех, веривших в силу человеческого разума, наивысшим воплощением принципа разумности была власть «просвещенного монарха».

С оправданием этой власти связана та теория подавления страстей разумом, которая развивается в стихах об утре. Излагая ее, автор исходит из гносеологических предпосылок, сходных с теорией познания, развивавшейся в лекциях Аничкова, кото-

¹⁰ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1, стр. 319.

рый, следуя английским материалистам XVIII века, отвергал идеалистическую теорию врожденных идей. «Опыт довольно научает нас, что мы на сей шар земной вступаем, не имея еще никакого ни о чем понятия»,¹¹ — писал Аничков.

В стихах от утре мы читаем:

Родится человек во мраке погружен...
 Рассудок в слепоте на ложе мрачном спит,
 А мысль погружена во мгле густой лежит.

(Май, л. 1).

Рассматривая свойства человеческого познания, Аничков считает, что оно начинается с чувственного восприятия,¹² и намечает три ступени в развитии человеческого познания: понятие, рассуждение и умствование.¹³ Примерно также изображено постепенное умственное развитие человечества в стихах об утре:

Сперва в нем чувства незрелые явятся,
 Создавши слабу мысль, рассудку покорятся;
 А сей по времени владыке своему
 Распорядивши все отдаст уму.

(Май, л. 1).

Сходство морально-философской и гносеологической концепций стихов об утре со взглядами, излагавшимися в лекциях и трудах передового московского профессора-просветителя Аничкова, дает, на наш взгляд, основание для вполне естественного предположения, что автором стихов, открывающих журнал «Утра» и намечающих его задачи, был сам издатель журнала — Плавильщиков — ученик, воспитанник и близкий друг Аничкова. «Более всех обязан был Плавильщиков попечительности и наставлениям профессора логики и метафизики, Дмитрия Сергеевича Аничкова, которого надзору был препоручен от родителей»,¹⁴ — рассказывает первый биограф Плавильщикова П. В. Победоносцев. Вот эти наставления и идеи Аничкова отчетливо сказались в стихах об утре и во всем направлении первого журнала Плавильщикова.

Влияние идей передовых русских мыслителей и сатирической журналистики Новикова определяет сатирический, просветительский характер журнала Плавильщикова. При этом издатель обращается к лучшим образцам западноевропейской сатиры. В одном из первых (майских) листов журнала помещена

¹¹ Там же, стр. 138.

¹² Там же, стр. 134.

¹³ Там же, стр. 138.

¹⁴ «Новый Пантеон», ч. 4, М., 1819, стр. 147.

сатира «Стихотворец Нелюдим», являющаяся переводом, точнее переложением, первой сатиры Буало, обличающей развращенный высший свет.

Смелую и злую сатиру Буало переводчик сумел обратить против русского дворянского общества. Он пропустил те стихи, в которых речь идет о Париже, и вставил строки, бичующие дворянскую знать и мрачными красками рисующие положение русского писателя. Так, в сатире появился Змеяд, сделавшийся вельможей из придворного брадоброя, клеветник Фирюлин, ростовщик Пушелин, а также и вполне реальный персонаж — бездарный поэт Буран, «из имянинников, из мертвых, из купцов, из воинов, судей, невест и женихов, наделавший себе тьму мелких меценатов» (май, л. 1). Буран — это анаграмма фамилии известного своей продажностью петербургского поэта Василия Рубана, который неоднократно был предметом насмешек со стороны передовых русских писателей.

Мотивы негодования и обличения в сатире Буало еще более заострены в ее русском переводе. Так, например, стих

В ком нет природного, то гнев писать научит.

(Май, л. 1)

звучит гораздо резче, чем соответствующая строчка из Буало:

La colère suffit et vaut un Apollon.¹⁵

Стих русского поэта представляет собой не столько перевод строчки из Буало, сколько вполне точную и яркую передачу знаменитого стиха Ювенала: «*Si natura negat, facit indignatio versum*» («если отсутствует природный дар, то негодование рождает стих», — сатира 1, стих 79).

Такое понимание сатиры сближает журнал Плавильщикова с традициями Кантемира и Новикова, видевших в ней важнейшее средство борьбы против социальных пороков. Гневное обличение отрицательных явлений современного общества — вот какую задачу ставил перед собой издатель «Утр». Об этом свидетельствуют многие сатирические произведения, в нем опубликованные. Среди них одним из наиболее резких по своим выпадам против существовавших порядков является сатирическая повесть «Путешествие турка Кара-Булата, бывшего секретаря посольства при турецком дворе в России» (май, л. 5; июнь, л. 1; июль, л. 1).

¹⁵ Oeuvres complètes de Boileau Despréaux, т. 1. Paris, 1810, стр. 53.

Не имея возможности прямо рассказать о тех безобразиях, которые творились в России царскими чиновниками, вельможами, духовенством, автор придает своей повести восточный колорит — прием, весьма распространенный и довольно обычный для того времени. При этом он остроумным способом дает понять читателю, что в повести речь идет не о Турции, а о России. Для этого повести предпосылается переписка знатного турка Кара-Булата с неким турецким поэтом Бураном. Мы уже говорили, что под именем Бурана в «Утрах» высмеивался Василий Рубан. Безусловно понятной была эта анаграмма и для читателей «Утр». А раз они знали, что в лице турецкого поэта Бурана высмеивался русский писак Рубан, то им нетрудно было догадаться, что в лице турецких пашей и имамов в повести изображены русские вельможи и духовенство.

Переписка Кара-Булата и Бурана была предпослана повести и для того, чтобы еще раз высмеять продажных писателей типа Рубана и высказать свое отношение к произведениям, написанным в жанре путешествия. Путешествия полезны, пишет в предисловии к повести ее переводчик, «но я не имел терпения их читать не для того, чтоб они были длинны, но затем, что таковыми кажутся» (май, л. 5). О скучных и мало что дающих читателю путешествиях упоминает и Кара-Булат в своем письме к Бурану. «Вы, милостивый государь, — обращается он к турецкому стихотворцу, — отменную охоту имеете выпускать в свет путешествия с приложением своих стихов. Свидетельствуюсь „Путешествием в Сирию“, „Путешествием Балтимура“, которого англичане называют Балтимор; но переменить имя ничего не стоит, нашего рода стихотворцы и более смелости берут, печатавши стихи. А как бумага тиснением разных путешествий терпит, то прошу вас, Государя моего, и мое путешествие подобному предать тиснению и тут прибавить стишки, естли можно полутче, нежели те, кои вы делали щедрою рукою и некорыстолюбивым сердцем в заглавии „Сирских записок“» (июнь, л. 1).

Книги, над которыми иронизирует автор повести, не выдуманы им. Они действительно издавались, и действительно их издание связано с именем поэта Рубана. Первая из них появилась в 1773 году под названием «Дневные записки путешествия из архипелагского России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима, находящимся, с краткою историею Алибеевых завоеваний». Вторая — «Путешествие аглинского лорда Балтимура из Константинополя через Румынию, Болгарию, Молдавию, Польшу, Германию и Францию в Лондон» — вышла двумя изданиями в 1776 и

в 1778 годах. Автором первой книги и переводчиком второй был капитан-лейтенант С. И. Плещеев, приятель Рубана, которому и посвящены «Записки путешествия в Сирию».

Вот этих-то друзей — Рубана и Плещеева — и высмеивает автор «Путешествия Кара-Булата». Ведь именно предпосланное «Запискам путешествия в Сирию» одическое послание Рубана к Плещееву имеет в виду Кара-Булат, когда он просит Бурана написать «стишки полутче, нежели те, кои вы делали в заглавии „Сирских записок“». Стихи турецкого стихотворца Бурана, написанные по заказу Кара-Булата, являются пародией на эти бездарные вирши. В них нарочито подчеркнуты льстивый тон и неуклюжие, тяжелые обороты речи.

Автор повести насмехается и над творениями Плещеева, в которых утомительно описывается все, что видел путешественник и что с ним происходило. Он возражает вообще против заполнения путешествий мелкими подробностями дорожных событий. Описательным путешествиям, типа плещеевских, автор противопоставляет путешествия, имеющие воспитательное значение, а последние он, как видно из содержания его собственного произведения, не мыслит без сатиры на темные стороны современной жизни.

Уже в самом начале «Путешествия Кара-Булата» мы находим ничем не прикрытый выпад против произвола чиновников и вельмож, царившего в самодержавно-крепостнической России. «Итак, господин Посол, — рассказывает автор, — шествовал до границы, рубил головы грекам и правосудным образом присваивал их имение. Но как все сии обычаи довольно известны моим согражданам (курсив мой, — М. К.), то об оных распространяться считаю за излишнее» (июль, л. 1). Надо было обладать большой смелостью, чтобы открыто заявить, что в России, «облагодетельствованной» заботами «просвещенной монархини» Екатерины II, столь дикие беззакония совершались «правосудным образом» и были обычным явлением.

Не менее резко обрушивается автор и на духовенство.

Путешествующий по Европе Кара-Булат попадает в монастырь иезуитов. Наблюдая за их нравами, он убеждается, что «сии святые отцы терпеть не могут тех людей, которые не даются им в обман». «И нечего дивиться, — восклицает автор, — они привлечь стараются в свою веру затем, чтоб под личиною закона грабить слеповерящий народ» (июль, л. 1). Но таковы не только иезуиты. Автор прямо заявляет, что и русские попы и священники умеют поживиться за счет своих прихожан. «У нас и свои имамы стоят иезуитов, — пишет он, — и под именем Пророка так часто денежки тянут, что и иезуиту бы в ту же меру»

(июль, л. 1). Едко высмеивает он проповеди ученых богословов, которые одурманивают народ. Каждая трава может стать опиумом, если под ее корень «подложить предикю отцов иезуитов», утверждает один из героев повести. Саркастически изображаются в «Путешествии Кара-Булата» «глубокие и разуму неудобопонятные рассуждения» профессоров богословия. Один из них, например, с пафосом произносит речь о том, «как квасить сосну и коптиль дуб, чтоб сделать их неспособными к кораблестроению» (июль, л. 1). Эта странная проповедь получает тут же весьма простое объяснение. Дело в том, что без кораблестроения немислима морская торговля, а «торговлею просвещаются и обогащаются народы, и к езуитам теряют почтение, а с почтением уменьшается их доход, чего они терпеть не могут» (июль, л. 1).

Обличение иезуитов само по себе уже не соответствовало политике Екатерины II, которая покровительствовала их ордену. (Известно, что статья «История ордена иезуитов», появившаяся в 1784 году в «Прибавлениях к „Московским ведомостям“», вызвала ее неудовольствие). Но, как мы видим, автор повести нападает и на духовенство вообще за то, что оно обманывает и грабит народ, за то, что оно препятствует развитию торговли и просвещения. Высмеивая мракобесов-церковников, журнал «Утра» продолжает борьбу против реакционеров в рясах, которую вели прогрессивные русские писатели и ученые — Феофан Прокопович, Кантемир, Ломоносов, Аничков, Новиков. Роднит автора повести с передовыми людьми его времени и защита развития торговли и интересов купечества. «Торговлею просвещаются и обогащаются народы» — утверждал автор «Путешествия Кара-Булата». Торговля способствует и тому, чтобы «предрассуждения были откинута, а науки и художества взошли на самую высшую степень совершенства»,¹⁶ — говорилось год спустя в трактате «О торговле вообще», опубликованном в «Прибавлениях к „Московским ведомостям“», которые издавались тогда Новиковым.

В литературно-политической борьбе, происходившей в России во второй половине XVIII века, журнал «Утра» выступает в одном лагере с такими писателями, как Новиков и Фонвизин, против представителей официальной придворной литературы, против описцев-льстецов и угодников перед вельможами и царской властью. В «Путешествии Кара-Булата» высмеивается не только Рубан, но и «карманный стихотворец Екатерины» В. П. Петров, чье творчество неоднократно служило объектом пародий и издевок со стороны Сумарокова, Майкова и Нови-

¹⁶ Н. И. Новиков. Избранные сочинения. Гослитиздат, Л., 1951, стр. 555.

кова. В разряд сочинений «славных», но «отъемлющих память и производящих мутность» зачисляется «славянскорусская Енеида» (июль, л. 1), т. е. перевод Петровым «Энеиды» Виргилия. Этот перевод, сделанный мертвым книжным языком, избыливающим тяжелыми латинизированными конструкциями и славянизмами, получил «высочайшее одобрение» Екатерины II, ибо в нем в лице древнеримского императора Августа прославлялось екатерининское самодержавие. «Его стихотворный перевод „Энеиды“ обессмертил его, — писала русская императрица о Петрове, — этот труд в своем роде единственный, подобного которому не существует ни на одном языке».¹⁷ Такое отношение Екатерины II к переводу «Энеиды» Петрова давало ему возможность хвастливо заявлять: «в сих стихах Екатерины вкус».¹⁸ Как видно, вкусы автора «Путешествия Кара-Булата» и издателя «Утр» резко расходились со вкусами русской монархини.

Осмеяние ложной учености и псевдонаучной схоластики составляет еще одну тему «Путешествия Кара-Булата». Автор иронизирует над пристрастием ученых-педантов к латинской терминологии: «Медицинские слова в переводе глупы, но на латинском тем важнее, чем непонятнее» (июль, л. 1).

Нападки на профессоров-схоластов продолжаются и в повести «Свой ум — царь в голове», напечатанной в последних листах журнала. В ней ставится вопрос о необходимости сочетать обучение юношей наукам с воспитанием в них умения жить в обществе. Герой повести отказывается от научной карьеры, потому что его отталкивает схоластический кабинетный характер официальной науки. Чем повторять всю жизнь чужие мысли, решает он, лучше жить своим умом по пословице: «Свой ум — царь в голове».

В повести даны сатирические портреты профессоров-педантов, собравшихся, чтобы уговорить своего ученика остаться в училище и посвятить себя науке. «Собрание состояло из четырех разного климата учения особ: был тут преогромный и пренаиглубокомысленный философ Асинус, престрашный и пренаипроворнейший математик Конфуз, превеликий и пренаиотдаленнейший историк Вральман, прекрасный и наипрострый оратор Безтолковов»¹⁹ (август, л. 5). Характерно, что среди профессоров упоминается имя Вральмана, перекочевавшее в повесть, как видно,

¹⁷ «Осмнадцатый век», кн. 4, М., 1869, стр. 428; Сочинения императрицы Екатерины II, т. VII. Изд. имп. Акад. наук, СПб., 1901, стр. 256.

¹⁸ В. П. Петров, Сочинения, т. 2, М., 1811, стр. 132.

¹⁹ Имя Асинус от лат. «Asinys», т. е. «осел»; имя Конфуз от лат. «Confusus», т. е. «сумбур».

из «Недоросля» — комедии, в то время находившейся под цензурным запретом.

Высмеивая представителей официальной науки, автор повести, однако, не выступает против науки и просвещения вообще. Он осуждает лишь науку, оторванную от жизни, и преподавание, которое, забывая ученикам головы множеством ненужных сведений, не ставит перед собой задач морального воспитания, не учит жить. Основная идея повести выражена в следующих словах: «Юноши, научившись наукам в школе, думают, что они уже довольно просвещены, ах нет; сие мнение весьма несправедливо: остается еще одно ужасно пространное поле просвещения: оно состоит в том, чтоб знать, как жить в свете, и знать самого себя: это такие великие науки, без которых человек подобен кораблю, без руля плавающему по неизмеримому океану» (сентябрь, л. 1).

Эта мысль прямо повторяет мысль, высказанную Княжниным в его «Послании к российским питомцам свободных художеств», опубликованном в 3-м августовском листе «Утр». Обращаясь к воспитанникам Академии свободных художеств, Княжнин восклицал:

Что должно и наук для вас важнее быть,
Наука первая — уметь на свете жить.

(Август, л. 3).

Но при этом Княжнин нисколько не принижает значение самих наук. Напротив, все его послание является взволнованным гимном просвещению. «Талант единый слаб к свершению пути, когда не озарен пространным просвещеньем», «без просвещения напрасно все старанье, скульптура — кукольство, а живопись — маранье», «художник без наук ремесленнику равен» (там же), — так поучает Княжнин будущих деятелей русского искусства. Он приводит в пример великого живописца древней Греции Апеллеса, который был «в красках философ и смертных просветитель». Художники, скульпторы должны быть просветителями своего народа. И Княжнин призывает воспитанников Академии художеств прославить своими творениями отечество:

Крепитесь в ревности то свету показать,
Что не единою победой помрачать
Своих соперников Россияне удобны!

(Август, л. 3).

Призыв развивать национальное искусство, защита русской культуры от дворянского преклонения перед Западом красной нитью проходят через весь журнал Плавильщикова. С чувством национального достоинства называет он в одном ряду

с крупнейшими писателями Западной Европы имена Ломоносова и Сумарокова. В число выдающихся артистов современности он с гордостью за свой народ включает замечательных русских актеров и актрис — Волкова, Дмитревского, Шумского, Троепольскую (август, л. 1). С презрением говорит издатель «Утр» об офранцуженных щеголях, выступающих в роли законодателей театральных вкусов и знатоков театрального дела. В журнале дается эпиграмма на российского петиметра, побывавшего в Париже и проникнувшегося презрением ко всему отечественному.

Так, уже в «Утрах» Плавильщиков начинает ту борьбу против дворянского низкопоклонства перед Западом, которая станет содержанием всей его деятельности, посвященной защите и развитию русского национального искусства. Вопросы освоения западноевропейской культуры рассматриваются в журнале в специальной статье «Нечто о переводах». Автор этой статьи исходит из убеждения, что для развития просвещения в России необходимо ознакомить русских читателей с достижениями общественной мысли Запада. Он призывает людей, знающих иностранные языки, тщательно отбирать произведения западноевропейских мыслителей и писателей, переводы которых будут полезны для русских читателей, и указывает на ряд подобных книг, уже переведенных в России: политико-нравоучительный роман Фенелона «Похождения Телемака», наполненный размышлениями о «разумной» монархии, и «Римскую историю» Роллена, проникнутую духом античной гражданственности. Затем в статье упоминается просветительный роман Мармонтеля «Велизарий», содержащий призыв к веротерпимости. Из художественной литературы автор называет «Илиаду» и произведения Тассо и Мильтона. Таким образом, мы видим, что в статье пропагандируются переводы из западных классиков и переводы произведений, проникнутых передовыми просветительскими идеями.

Еще ярче это проявляется в перечне тех книг, которые, по мнению автора статьи, должны быть переведены на русский язык. Кроме произведений знаменитых античных писателей и ученых — Софокла, Эврипида и Плиния Старшего, там названы романы западных писателей XVIII века — Лесажа, Прево, Фильдинга. Но, что особенно замечательно, автор статьи предлагает перевести труды западноевропейских мыслителей, проповедовавших передовое антиклерикальное мировоззрение и даже демократические идеи. Он называет тут и знаменитый «Опыт о человеческом разуме» Локка, и блестящий памфлет против морали и политики иезуитов — «Письма к провинциалу» Паскаля,

и труды Декарта, и утопический роман Мерсье «2240 год», рисующий руссоистский идеал будущего общества.

Но журнал «Утра» не только пропагандирует достижения передовой западноевропейской литературы и общественной мысли. Он сам заполнен произведениями известных западных писателей и философов. И здесь чувствуется тщательный выбор материала. Первая сатира Буало, сатирические басни Вольтера «Азолан или турецкий имам» и «Волк-нравоучитель», отрывок из «Персидских писем» Монтескье, отрывки из книги Мерсье «Картины Парижа», переведенной А. А. Нартовым, статья Руссо «О поединках» — все это сочинения просветительского характера великих французских мыслителей, на которых тогда злобно нападали реакционная дворянская печать.

В «Утрах» уже ясно ощущается и антидворянская настроенность, характерная для дальнейшей деятельности Плавильщикова. В журнале не раз появляется сатирический образ дворянского недоросля и неуча Фалалея. В одном случае Фалалей выступает даже в качестве ценителя театрального искусства:

В театре Фалалей однажды побывал
И игранную там трагедию разругал,
Кричит: она дурна, трагедий здесь нет путных.
Конечно, нет — их пишут лишь для умных.

(Май, л. 5).

В другом случае имя Фалалей употребляется в чисто нарицательном смысле, как обозначение неуча, невежды, дворянского дурачка: «В ком нет природного рассудка, хоть лопни тот, все будет Фалалей» (май, л. 5).

Эти строчки взяты из басни «Быль», представляющей большой интерес, ибо в ней ярче всего проявилась антидворянская тенденция журнала Плавильщикова. «Быль» — это рассказ о том, как разорился глупый и чванливый дворянин Балбес, промотавший за границей отцовские доходы, и обогатился и приобрел видное место в обществе умный и энергичный разночинец Шпынь. В конце басни разбогатевший разночинец выступает в роли благодетеля обнищавшего дворянчика. Он объявляет во всеуслышание, что дарит своему бывшему другу пятьсот душ.

Послушай своего ты искреннего друга,
Объездивши ты часть земного круга,
Какую мог себе тем пользу получить?
Ты ездил, чтоб свое там имя помрачить,
Прекрасная себе и отчеству услуга!
Имение свое ты гусно промотал,
Из господина

Ты музыкантом стал,
 О стыд для дворянина!
 Имение твое
 За деньги я купил, оно мое
 Но чтобы глупую твою надменность
 Искоренить навек, твою поправлю бедность.
 Друзья мои! при вас я это говорю —
 Ему пятьсот душ я дарю.

(Май, л. 5).

Так, разночинец Шпынь, бывший когда-то бедненьким сироткой, торжествует над дворянином Балбесом. Он не только издевается над дворянским невежеством, мотовством и пристрастием к загранице; он учит русского дворянина дворянской чести, внушает ему понятие о долге перед отечеством. Главное же, против чего обращена сатира басни, — это «глупая надменность» дворян. Ей-то и наносит разночинец Шпынь сокрушительный удар, жертвуя разорившемуся Балбесу половину его бывшего имения.

Конец «Были» как будто является апофеозом талантливой и деятельной разночинца. Но так ли уже симпатизирует ему автор? Нельзя забывать, что он все-таки дал ему имя Шпынь, т. е. шут, балагур, и что Шпынь, осуществляя свою карьеру, оправдал свое имя. «Он был шутив, игрив, забавен, боярам нравен... везде шалил, остро шутил, людей смешил и тем от всех себе он дружбу заслужил». Вспомним также, что слово «шпынь» употреблялось в то время в отрицательном смысле. Балагурство и шутовство были одним из методов тогдашних карьеристов. Недаром в одном из своих вопросов Екатерине II Фонвизин с негодованием заявлял, что нынче шуты, шпыни и балагуры легко достигают больших чинов. Однако, кроме значения «шут, балагур», слово «шпынь» означало еще «колкий насмешник», резкий и дерзкий остряк.²⁰ И несомненно, что герой «Были» выступает также и в этой роли — роли насмешника над пороками дворянства. Между прочим, это значение слова «шпынь» имел в виду, по-видимому, и автор «Путешествия Кара-Булата», дав его «переводчику» имя Шпыньковского.

И все же антидворянская тенденция в «Были» дальше осуждения дворянской спеси, мотовства и преклонения перед иностранщиной не идет. Автор не нападает на социальные привилегии дворянства.

²⁰ См. слово «шпынь» в «Толковом словаре русского языка» В. Даля (т. IV, М., 1956, стр. 644).

Если по отношению к обогатившемуся разночинцу Шпыню мы не ощущаем полной авторской симпатии, то судьба разночинцев, стремившихся войти в отечественную науку и литературу, явно волновала издателя «Утр». Плавильщиков, как видно, мечтал о том, чтобы на поприще национальной культуры выдвигались такие же выходцы из демократических слоев населения, каким был он сам. Только в свете этого становится понятным его ответ на письмо к издателю, опубликованное в 4-м июньском листе журнала.

Письмо это написано от имени некоего вельможи, который издевается над студентом-бедняком, приславшим ему свои стихи и просящим о денежной поддержке. Вельможа приводит и адресованное к нему письмо студента, называя это письмо образцом того, «каким образом высокопарным слогом врать наглое ласкательство». О стихах вельможа отзываясь так: «Стихи же, наполненные цветами, цветущими веснами, райями и слогом, который холоднее крещенских морозов, я считаю, могут служить примером тем, которых упражнение в том, чтоб готовить к именинам, рождениям, свадьбам и проч. поздравление вельможам и, грубо лаская их самолюбие, выманить несколько деньжонок на прокормление голодной музы и для прикрытия ее наготы» (июнь, л. 4).

На первый взгляд кажется, что письмо вельможи представляет собой еще один выпад журнала Плавильщикова против продажных писак, против унижения, которое испытывает поэзия, когда она превращается в средство для получения «щедрот». Однако ответ издателя вельможе придает этому эпизоду со стихами студента совершенно иной смысл. Ответ краток. Он гласит: «Нетрудно рассматривать пороки начинающей музы, сидя на штофном канаве и питаясь сладкими явствами, между тем просящая помощи муза только что имеет хлеб насущный, то ей и в голову не придет так строго себя рассматривать. Ей надо помочь».

Этот ответ не является, конечно, оправданием тех поэтов, которые, подобно высмеянному в «Утрах» Бурану-Рубану, готовы продавать свою музу любому, кто за нее заплатит. Плавильщиков имеет тут в виду разночинцев, которым было очень трудно, а подчас и невозможно, пробить себе дорогу в жизнь и литературу без поддержки вельмож-меценатов. Поэтому он и встает на защиту студента-бедняка, поэтому он и призывает вельможу помочь начинающей музы.

Не только ответ на письмо вельможи, но и само письмо написано, по всей вероятности, издателем журнала — Плавильщиковым. Помещение в журнале письма к издателю и ответа на

него — удобный прием высказать мнение по тому или иному общественному вопросу, прием, часто употреблявшийся в русской журналистике XVIII века, например Новиковым.

Письмо вельможи и ответ издателя являются выступлением журнала Плавильщикова по очень важному для того времени вопросу — о формировании новой интеллигенции из разночинцев. Плавильщиков борется за то, чтобы и представители широких демократических слоев получили доступ в науку и литературу. Но он еще не противопоставляет третье сословие дворянскому. Более того, к представителям высшего дворянства Плавильщиков обращается за помощью и поддержкой, и меценатство является для него чем-то не только неизбежным, но и вполне естественным. Он еще не посягает на гегемонию дворянства в области культуры.

Обличая многие пороки дворянского общества, журнал Плавильщикова не подвергает критике социальную основу существующего строя. Некоторые статьи журнала могут натолкнуть на мысль о несправедливости такого порядка, при котором существует богатство, с одной стороны, и бедность — с другой. Так, например, в переводе из «Картин Парижа» Мерсье прямо говорится, что человек, который умеет смотреть и слушать, не может не заметить социальных противоречий, столь ярко проявляющихся в жизни французской столицы. «Необъятное содержание восьми сот тысяч человек, живущих один над другим, между коими находится двести тысяч прожор или тунеядцев, препровождает к первому политическому рассуждению!» (июнь, л. 3), — заявляет в этой книге Мерсье.

Какие же «политические рассуждения» находим мы на страницах «Утра»? Еще в стихах об утре Плавильщиков заявляет, что и при крепостническом строе и раб и господин могут быть равно блаженны, если они будут честно исполнять свои обязанности перед обществом. Еще более четко и выразительно сформулирована эта мысль в басне В. Майкова «Общество»:

На свете положен порядок таковой:
Крестьянин, князь, купец, солдат, мастеровой
Во звании своем для общества полезны,
А для монарха их, как дети все любезны.

(Май, л. 2).

Просвещенная монархия, справедливый государь — вот что может обеспечить порядок и социальную гармонию в обществе. Поэтому-то и сказание о троглодитах из «Персидских писем» Монтескье, опубликованное в «Утрах», приведено там неполностью. В журнале помещена только та часть сказания, где осу-

ждается природный эгоизм и собственнические инстинкты. Вторая же часть сказания, в которой Монтескье рисует свой политический идеал, — патриархальную республику, основанную на господстве общественных интересов над личными, — в «Утрах» не появилась.

Примером просвещенного монарха для Плавильщикова всегда был Петр I. Образ Петра как великого преобразователя России присутствует и на страницах «Утр». Ему посвящена ода «На торжественное открытие монумента Петра Великого». Петр I прославляется в оде как за то, что он укрепил военную мощь России, создал русский флот, так и за то, что далеко продвинул вперед развитие русского просвещения. Ода содержит в себе и официальные восхваления Екатерины II, но эти восхваления порой приобретают вполне определенный оттенок оппозиционности потемкинскому режиму. Поэт видит величие Екатерины больше всего в том, что она почтила память великого Петра и что ею рожден «великий Павел», предназначенный «к чести сей судьбой». Возвеличивание Павла в период обострения его отношений с царствующей матерью может указывать на связь Плавильщикова с теми кругами, которые делали ставку на наследника престола. Это тем более вероятно, что непосредственно перед изданием «Утр» Плавильщиков (как мы уже говорили) сблизился с Фонвизиним, который тогда по указаниям Н. И. Панина работал над известной запиской «Рассуждение о непременных государственных законах», предназначенной для вручения Павлу в момент вступления его на престол. В связи с этим приобретают особое значение следующие строчки, в которых воспеваются три Петра, продолжающие борьбу Петра I против врагов России:

Коль злобы Петр расторг оплот,
То ныне три Петра преклонят
Небесный свод и страх нагонят.

(Август, л 4)

Кто эти три Петра? Это, по-видимому, Петр Иванович Панин, Петр Александрович Румянцев и, возможно, сподвижник Румянцева — Петр Васильевич Завадовский. Упоминание о них как продолжателях дела Петра I тоже является проявлением оппозиционности к политике правительства Екатерины II, ибо известно, что в это время Панин и Румянцев находились в опале. Панин был одним из главнейших вельможной оппозиции самовластью Екатерины II. Круги, недовольные потемкинским режимом, противопоставляли Румянцева «светлейшему князю Таври-

ческому». Такое противопоставление дает, например, Г. Р. Державин в своей знаменитой оде «Водопад».

Оппозиционность правительству Екатерины II чувствуется и в «Скифской речи Александру Великому», переведенной с французского А. Нартовым. В ней осуждаются завоевательные войны. Опубликование этого произведения в 1782 году, когда Потемкин разрабатывал широкие планы восстановления Византийской империи и создания королевства Дакийского, являлось выражением недовольства внешней политикой Екатерины II.

Таким образом, отстаивая идею просвещенного абсолютизма, журнал Плавильщикова не видел воплощения этой идеи в государственной деятельности Екатерины II, находившейся под влиянием своего фаворита Потемкина.

Хотя журнал «Утра» продолжал антидворянские сатирические традиции Новикова, но в то время демократическая тенденция в политических взглядах Плавильщикова была еще относительно слабой и непоследовательной. Он не развернул еще активной борьбы с дворянской культурой.

Несмотря на то, что в «Утрах» печатались сентиментальные стихи И. И. Дмитриева, а в статье «Нечто о переводах» рекомендовалось перевести на русский язык «бессмертные» «Ночи» Юнга — одного из родоначальников западного предромантизма, журнал Плавильщикова стоял в основном на классицистических позициях. Об этом свидетельствует перепечатка в нем известного ответа Вольтера Сумарокову, в котором осуждается новый драматургический жанр, проникший в Россию, — «слезная комедия». Об этом свидетельствует и статья «Рассуждения о зрелищах», излагающая основные положения классицистической эстетики драмы.

В литературе о Плавильщикове уже высказывалось мнение, что указанная статья написана им самим. Такого мнения придерживается, например, Л. Кулакова.²¹ Однако доказательств принадлежности «Рассуждения о зрелищах» П. А. Плавильщикову в печати до сих пор не появлялось. Такие доказательства были приведены в дипломной работе И. А. Кряжимской «П. А. Плавильщиков», защищенной в Ленинградском университете в 1948 году, в диссертации А. Д. Оришина «Творчество П. А. Плавильщикова» (Львов, 1951) и в нашей диссертации «Из истории русской журналистики и театральной критики (деятельность П. А. Плавильщикова)» (М., 1954). В них делаются сопоставления «Рассуждения о зрелищах» со статьей

²¹ См.: Л. И. Кулакова. П. А. Плавильщиков, Изд. «Искусство», М.—Л., 1952, стр. 13.

Плавильщикова «Театр», напечатанной в «Зрителе». Из сопоставлений ясно видно, что обе статьи написаны одним автором, хотя по содержанию они во многом отличаются друг от друга и даже содержат в себе прямо противоположные высказывания. Это тем более несомненно, что от ряда теоретических положений своей первой статьи о театре Плавильщиков не отказался и впоследствии, повторив их через 10 лет на страницах «Зрителя».

Первая половина «Рассуждения о зрелищах» посвящена решению основных вопросов теории драмы. Плавильщиков видит в театре «род веселостей», «полезную утеху», «забаву, достойную разумного существа» (июль, л. 4). Вступительная часть его статьи посвящена защите театра как полезного увеселения. От кого же, собственно, требовалось защищать театр? Ведь признание театра одним из самых важных видов искусства было краеугольным камнем теории русского классицизма. Однако, несмотря на это, в русском обществе середины XVIII века были и принципиальные противники театра, которые считали его учреждением вредным или по меньшей мере бесполезным. Подобного рода взгляды высказывались, например, в статье «О комедиях и праздниках», опубликованной в журнале «Санкт-петербургское еженедельное сочинение, касающееся до размножения домостроительства и распространения общепользных знаний», издававшемся в 1778 году Августом Вицманом.²² И можно предполагать, что именно с этой статьей полемизирует Плавильщиков в начале своего «Рассуждения о зрелищах», ибо в ней проводятся мысли, прямо противоположные тому, что он утверждал. «Большая часть людей, — говорится в этой статье, — беспрельдно любят веселости, и желая пользоваться мнимыми сими удовольствиями, не страшатся ни расходов, ни трудов. Чтобы занять в комедии место, приходят туда за четыре и за пять часов наперед и препровождают сие время с превеликою скукою. . . От таковых вещей не только терпят превеликий убыток, но и, что всего дороже, теряют время».²³

Хотя Плавильщиков и называет театр забавой, однако он не считает, что театр служит лишь для развлечения. Он не прищывает к официальной точке зрения на драматургию и на литературу вообще как на увеселение. Эта точка зрения особенно ясно была высказана в журнале «Ежемесячные сочинения», редактировавшемся врагом Ломоносова академиком Миллером.

²² О А. Вицмане см. в статье П. Н. Беркова «Материалы для биографии А. Н. Радищева» (сб. «Радищев. Статьи и материалы», Л., 1950, стр. 222—225).

²³ «Санктпетербургское еженедельное сочинение», 1778, лист 9, июнь, стр. 137.

В них отвергалось общественно-воспитательное значение театра. О комедии там говорилось, что «это дело преходящее, которое внутренность сердца не надолго трогает».²⁴ И далее: «Довольно, когда комедии... так сочинены, что нравов не портят».²⁵ Отрицание общественного значения театра самым непосредственным образом вытекало из идеалистического взгляда на поэзию как на вымысел.

Точка зрения Плавильщикова на драматургическое искусство была прямо противоположной. Отвечая на вопрос, что такое театральное зрелище, он следовал материалистической традиции русской классицистической эстетики. «Природа», т. е. действительность, была для него первичным, а искусство, в частности театральное, — вторичным, как и для всех передовых представителей русского классицизма — Ломоносова, Новикова и Сумарокова, считавшего, что «естество выше искусства».²⁶ Из этого понимания соотношения искусства и действительности исходил и Плавильщиков, определявший театральные зрелища как «зеркало человеческой жизни» (август, л. 1).

В своих рассуждениях о том, что такое театр и каковы его задачи, Плавильщиков не оригинален. Он повторял то, что было уже сказано теоретиками русского классицизма. Но есть в них одна мысль, которая несколько отличает Плавильщикова от Сумарокова и его последователей. В театре, — писал он, «всех равно трогаются чувства». Этим, по мнению Плавильщикова, театр выделяется из других «утех».

Такой взгляд свидетельствует о том, что в данном случае Плавильщиков выступал как последователь Федора Волкова, борвшегося за общедоступный национальный театр. Однако значение этой демократической мысли Плавильщикова об общедоступности театра нельзя преувеличивать. Хотя он радуется тому, что в театре и зрители и представители «третьего сословия» равно наслаждаются зрелищем, но как актер и теоретик театра он ориентируется пока на вкусы благородного зрителя. И он не раз говорит об этом прямо в «Рассуждении о зрелищах».

Итак, Плавильщиков ставил на первый план воспитательное значение театра. Но он поднимал вопрос и об эстетическом значении театральных представлений. И здесь, определяя эстетические достоинства пьес, он исходил из материалистического понимания природы театрального искусства. Совершенство театральных зрелищ, утверждал он, зависит от того, насколько

²⁴ «Ежемесячные сочинения», 1763, октябрь, стр. 370.

²⁵ Там же, стр. 371.

²⁶ А. П. Сумароков, Полн. собр. всех соч., ч. II, изд. 2-е, М., 1787, стр. 262.

отразилась в них красота самой природы: «Они изображают нам природу, а сия самая природа научает нас определять красоту и судить о совершенстве зрелища» (август, л. 1). Приведенное нами рассуждение Плавильщикова свидетельствует о том, что он развивал русскую классицистическую эстетику, материалистически трактуя вопрос о критерии художественности театральные зрелищ.

Из главного положения статьи Плавильщикова, гласящего, что театр — это зеркало человеческой жизни, вытекает ответ и на третий основной вопрос эстетики драмы — на чем основано действие пьес на зрителей. Плавильщиков говорил об этом так: «Зажженная свеча делает свет в темной хранине, а нарисованная, как бы то живо ни было, темноты не истребляет, то и зрелища, как бы они ни были искусно сочинены и представлены, останутся всегда рисованною природою, но достоинства их состоят в том, что они могут обмануть нас и довести до того, что зритель забывает, где он сидит, а ему кажется, будто он действительно видит происшествие» (август, л. 1).

Типично классицистическое понимание театра как «рисованной природы» и требование максимального правдоподобия и естественности для обмана зрителя содержит в себе здравую и верную мысль о том, что искусство является отражением жизни. Требование правдоподобия и естественности могло выражать реалистические тенденции, заложенные в классицизме, а у Плавильщикова оно принимало иногда даже демократический характер. Так, например, утверждая, что «природа является прелестною в своей простоте», он заявлял: «Смугловатая красавица вселит нежную любовь в моем сердце, а набелясь и нарумянясь, выгонит ее из него. Не выкрашенное лицо живо, а вымаранное белилами мертво». «Я уверен, что многие не будут со мной одного мнения, — продолжал Плавильщиков, имея в виду „благородное сословие“, дворян, и примирительно заканчивал, — да я и не имею в том нужды, поколику знаю, что о вкусах нельзя спорить» (август, л. 1).

Пример со смуглой красавицей невольно заставляет вспомнить то место из радищевского «Путешествия», где деревенские женщины и девушки противопоставляются дамам высшего света как образец естественной красоты и здоровья. При всем различии Радищева и Плавильщикова источник этих противопоставлений один — демократическое мироощущение и антидворянская настроенность. Но при этом опять-таки нельзя забывать, что Плавильщиков не был последователен в своем демократизме. И если, восхищаясь смугловатой красавицей, он забывал или замалчивал классицистическое требование изображать не просто

природу, а природу украшенную, то в других местах статьи (и мы это покажем) он учитывал это требование, боясь оскорбить зрение и слух «благородного» зрителя.

Нельзя не заметить также, что Плавильщиков (как и все классицисты) понимал правдоподобие в театральном искусстве весьма упрощенно и метафизически, как подделку под действительность, как обман зрителя. «Воспроизведение имеет целью помочь воображению, а не обманывать чувства», — писал по поводу подобных рассуждений Чернышевский.²⁷

Из классицистического требования правдоподобия вытекали и правила трех единств, и протест против выведения на сцену каких-либо фантастических персонажей и событий. Плавильщиков повторял эти общие положения теории классицизма. Однако из трех единств он говорил в своем «Рассуждении о зрелищах» только о единстве места, мотивируя его необходимость в пьесе тем, что без соблюдения этого правила зритель не сможет представить себе происходящее на сцене как действительные события. Что же касается «волшебных приключений», то они, по мнению Плавильщикова, «на театре не годятся», поскольку тоже нарушают правдоподобие пьесы. «Я этим вздорным вракам не верю», — заявляет он (август, л. 2).

Все перечисленные нами требования, которые Плавильщиков предъявлял к драматургии, являются типично классицистическими. Отступление Плавильщикова от классицистических канонов проявилось лишь в том, что он возразил против подмены действия в пьесе рассказом о нем. «Всяк со мною будет в том согласен, — говорил Плавильщиков, — что чувства наши более поражаются, имея перед глазами какое-нибудь приключение, нежели когда о нем рассказывают» (август, л. 1).

Наиболее важными драматургическими жанрами Плавильщиков считал, подобно всем классицистам, комедию и трагедию, а драму отвергал столь же непримиримо, как и Сумароков. Характерно, что на первое место он ставил комедию.

Все содержание журнала «Утра» убеждает нас в том, что Плавильщиков следовал новиковской традиции в понимании сущности и задач сатиры. Новиковская традиция ощущается и в его высказываниях о комедии. «Я бы хотел, — писал он, — чтоб всякая комедия представляла нам те пороки, которые вредят целому обществу, чтобы от зрителей, естли тут случится кто подобной гнусности исполнитель увидя себя, себя бы возненавидел и потом сделался честным и полезным отечеству

²⁷ Н. Г. Чернышевский. Эстетика и литературная критика. Гослитиздат, М., 1951, стр. 61.

сыном» (август, л. 2). Конечно, такое понимание комедии в корне расходилось с отношением к ней Екатерины II, которая заявляла, что пишет комедии для «собственной своей забавы».²⁸ Не на людские слабости, а на конкретные социальные пороки должен быть направлен огонь комедии, утверждал Плавильщиков, и не случайно, приводя пример действенности комедии, он называл комедию И. Соколова «Судейские именины», в которой разоблачается порок взяточничества, столь распространенный в екатерининское время. Сама же Екатерина II всячески пыталась отвлечь внимание сатириков от разоблачения чиновников-взяточников и сваливала всю вину на тех, кто был вынужден давать им взятки, называя их «искусителями».²⁹

Итак, в своих рассуждениях о комедии и ее задачах Плавильщиков выступал как представитель сатирического направления в русской литературе — направления Кантемира, Сумарокова, Новикова и Фонвизина. Не случайно комедию «Бригадир» он считал одной из «наилучших» (август, л. 2) в отечественной драматургии того времени. Однако его сатира была более мягкой, непоследовательной, чем у Новикова и Фонвизина. Эта ограниченность, присущая ему как выходцу из русского купечества, не могла не проявиться и в его теоретических взглядах. Комедии, по его мнению, следует избегать всего того, что может показаться грубым благородному зрителю. Так, совершенно справедливо замечая, что комизм должен происходить от «самой завязки зрелища и от свойства составляющих его лиц» и что, следовательно, в комедии недопустимо злоупотребление остроумием, не оправданным самим развитием действия. Плавильщиков утверждал, что комедия должна смешить «не подлостью, но благородно замысловатыми шутками» (август, л. 2).

Что же он понимал под словом «подлость»? Ответ на этот вопрос дает его высказывание об опере Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват». Плавильщиков отрицательно отзывался об этой комической опере, заявив, что терпеть не может ни «кабаков», ни «треухов», ни «плетисцев», ни «живых лошадей на театре» (август, л. 2). «Кабаки», «треухи», и «плетиси» — это все слова и выражения, которые употребляют крестьяне, действующие в опере «Мельник». Почему же демократически настроенный актер и журналист протестует против того, чтобы герои комедии говорили живым народным языком? Да потому, что его демократизма далеко не всегда хватает на то, чтобы отвергнуть традиционные требования, предъявляемые дворянским

²⁸ «Живописец», 1772, ч. 1, л. 7.

²⁹ «Всякая всячина», 1769, полулист 22, стр. 160.

зрителем к театру. Хотя Плавильщиков в этой статье и утверждает, что «слог комедии должен быть самый простой, употребительный в общежитии и чтоб всякое действующее лицо тем наречием говорило, какое ему свойственно», но, сказав это, он тут же добавляет: «Однако ж сочинитель должен сколько возможно благороднее заставлять говорить всякого, поколику в театре одни только благородные истинными зрителями похвастаться могут, в их ушах грубые и подлые речи производят сильное трепетание, а иногда и самую боль» (август, л. 2). Таким образом, забота о слухе «благородных» заставляет Плавильщикова существенно ограничивать свое реалистическое требование, «чтобы всякое действующее лицо тем наречием говорило, какое ему свойственно».

Рассуждения Плавильщикова о трагедии менее интересны. Тут он повторяет известные положения классицизма о том, что пафос трагедии в утверждении, что в ней должен соблюдаться высокий стиль и что оканчиваться она должна торжеством добродетели. Обращает на себя внимание протест Плавильщикова против введения в трагедию ужасных эффектов. «Не могу видеть на театре чрезмерную жестокость», — заявляет он и поясняет: «Я желаю, чтоб меня трогали одни чувства, и, действительно, они только удобны привлекать наше сердце; они несравненно более трогают его и извлекают слезы у зрителя, нежели те ужасные предметы, которые только устрашают человека» (август, л. 2).

Приведенное высказывание обращено против тенденции заменять психологические коллизии, на которых были основаны лучшие классицистические трагедии, внешней занимательностью фабулы, изображением убийств, физических страданий и т. п. Эта тенденция особенно ярко проявилась во французской драматургии в период разложения классицистической трагедии. Представителем ее был Крепильон-старший, наводнивший свои трагедии всевозможными ужасами и преступлениями, а теоретиком — Батте.

Против этой тенденции и выступил Плавильщиков, потому что она нашла отражение и в русской драматургии середины XVIII века, в частности в пьесах Хераскова, например, в его трагедии «Венецианская монахиня», где фигурирует героиня с выколотыми глазами, или в драме «Безбожник», герой которой совершает одно преступление за другим. По-видимому, именно последняя пьеса и вызвала осуждение Плавильщикова. «„Безбожного“, — писал он, — трагедию хотя и многие почитают из наилучших, но для меня она слишком сурова; я не могу смотреть на сие без ужаса, самое же окончание ее произвело

на меня толь сильное впечатление, что у меня голова закружилась, и я никогда более сей трагедии смотреть не стану» (август, л. 2).³⁰

Выступление Плавильщикова против драмы ужасов и кошмаров имело несомненно прогрессивный характер. Однако порой он проявлял в этом вопросе чрезмерную нетерпимость, нападая, например, на немецкую драматургию периода «бури и натиска» за то, что в ней воспроизводятся смерти, похороны и т. д. «Мертвец, на театре лежа целое явление, вызывает отвращение. Поэтому я немецких трагедий почти совсем смотреть не могу» (август, л. 2). В частности, он неодобрительно отозвался о трагедии «Клавихо» из-за того, что в ней изображены похороны. Этот отзыв о трагедии Гете он перенес и в свою статью «Театр».

Заключая характеристику жанра трагедии, Плавильщиков повторял одно из положений «Поэтики» Аристотеля, гласящее, что герои трагедии не должны быть чрезмерно добродетельными, ибо они должны в ходе действия подавлять свои страсти и преодолевать свои слабости.

В «Рассуждении о зрелищах» ощущается тяга к демократичности и реалистичности драмы; она чувствуется и во взглядах Плавильщикова на общедоступность театра, и в его требованиях, чтобы пьеса была основана на действии, а не на разговорах о нем, и в противопоставлении естественной красоты деревенской девушки нарумяненной красоте светских дам, и в утверждении, что язык действующих лиц в комедии должен быть индивидуализирован. В «Рассуждении» нет слепого преклонения перед западноевропейским и, в частности, французским театром, а наоборот, Плавильщиков выступает против некоторых явлений, получивших распространение в современной ему французской драматургии. Патриотически настроенный автор убежден, что русский театр может занять почетное место среди театров западноевропейских стран. При всем том Плавильщиков еще очень робок и непоследователен. Все его размышления о театре излагаются с оглядкой на дворянского зрителя, на вкусы вель-

³⁰ Хотя «Безбожный» называлась трагедия Браве в переводе И. А. Дмитриевского, но нам кажется, что Плавильщиков имел здесь в виду драму Хераскова «Безбожник», не совсем точно передавая ее заглавие. То немногое, что он говорит о пьесе, больше напоминает содержание драмы Хераскова, чем трагедии Браве. Кроме того, известно, что трагедия Браве была одной из любимых пьес Плавильщикова. Он играл в ней главную роль и выбирал эту пьесу для своих дебютов (П. Победоносцев. Воспоминания о Петре Алексеевиче Плавильщикове. «Новый Пантеон», ч. 4, М., 1819, стр. 180. См. также: Театральный журнал А. В. Каратыгина. Архив ИРЛИ, ф. 526, тетр. № 5, л. 7).

можных ценителей искусства. Ограниченность мировоззрения русской буржуазии, нашедшая отражение во всем содержании «Утра», сказалась и на эстетических взглядах молодого Плавильщикова, не сумевшего еще порвать с классицистическими догмами и правилами.

Несмотря на слабость демократической тенденции и на непоследовательность критики дворянского общества и его культуры, журнал «Утра» сыграл значительную роль в развитии русской журналистики XVIII века. Время, когда начал издаваться журнал Плавильщикова, было весьма неблагоприятным для передовой журналистики. Уже далеко позади был расцвет сатирической журналистики 1769—1774 годов. Уже давно правительство Екатерины II перешло от либеральных заигрываний с общественным мнением к политике преследования и подавления всяческого вольнодумства. Большинство из оппозиционно настроенных дворян было настолько напугано восстанием Пугачева, что пошло на примирение с императрицей или обратилось к масонству и к мистике. Только немногие писатели продолжали борьбу против самодержавно-крепостнического произвола. В 1781 году появляется четвертое переиздание новиковского «Живописца», а в 1782 году Фонвизин создает свой замечательный политический памфлет «Рассуждение о непременных государственных законах» и комедию «Недоросль».

Основная масса журналов этого времени идет в русле правительственной политики. Голос оппозиции почти замолкает. Внутриполитические вопросы на страницах журналов вообще не обсуждаются. Единственным откликом на них является опубликование правительственных указов или од по случаю того или иного государственного акта. Если в некоторых журналах в начале 80-х годов и появляются изредка произведения, критикующие современную действительность (как, например, 1-я ода Капниста в «Санкт-Петербургском вестнике» или знаменитые «Вопросы» Фонвизина в «Собеседнике любителей российского слова»), то они никак не определяют направления журнала. Вообще, говоря словами Добролюбова, журналы этих лет «отличались более или менее полным отсутствием убеждений и более или менее яркою пестротой противоречивых понятий и взглядов».³¹ Правда, и в это время были журналы, проводившие определенные взгляды и убеждения, но это были реакционные, идеалистические масонские издания. Особенно ожесточенно боролся против передовых материалистических идей масонский

³¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. 1, ГИХЛ, М., 1934, стр. 34.

журнал «Вечерняя заря». Мистикой и богословской схоластикой проникнуто все содержание журнала. «В „Вечерней заре“, — писал Добролюбов, — уже преобладают рассуждения о poste, о бессмертии души, о суете сует, об истинном блаженстве, о совести, об откровении, о египетской морали и догматике и т. п.».³²

Если сравнить содержание «Утр» с содержанием «Вечерней зари», то станет ясно, что в период широкого распространения реакционных масонских идей журнал Плавильщикова не только остался верен традиции русских просветителей, но и защищал ее от мистиков и мракобесов. Не исключена возможность, что «Утра» вели сознательную борьбу с «Вечерней зарей». Само заглавие журнала Плавильщикова как бы полемизирует с заглавием масонского журнала. Смысл этих заглавий прямо противоположен. В одном случае утренняя заря символизирует человеческий разум, разгоняющий мрак невежества и предрассудков (май, л. 1). В другом случае «свет разума» уподобляется «вечернему свету».³³ Характерно, что «Утра» стали издаваться вскоре вслед за выходом первых номеров «Вечерней зари». Объявление о начале подписки на «Вечернюю зарю» появилось 2 марта 1782 года, а объявление о подписке на «Утра» — 3 мая того же года. Но даже если «Утра» и не были изданы для борьбы против «Вечерней зари», все равно их направление резко противостоит направлению масонского журнала.

«Вечерняя заря» злобно издевается над философами, называя их животными, менее всего подходящими на человека. «Утра» усиленно пропагандируют передовых философов-просветителей — Вольтера, Монтескье, Руссо. «Вечерняя заря» противопоставляет просвещению и наукам божественное откровение и веру. «Утра» наполнены горячей проповедью необходимости развития отечественного просвещения, наук и искусств. «Вечерняя заря» осуждает общественную деятельность человека и заявляет, что гражданином он будет лишь в будущей, т. е. загробной, жизни. В «Утрах» неоднократно подчеркиваются общественные, гражданские обязанности человека, его долг перед родиной. Венцом мудрости для «Вечерней зари» является священное писание и «египетское учение», и сама она заполнена богословскими рассуждениями, переложением молитв и псалмов. В «Утрах» жестоко высмеиваются книги с религиозным и масонским содержанием — поэма «Истинный свет»,³⁴ «Помян-

³² Там же, стр. 33.

³³ «Вечерняя заря», 1782, ч. II, июль, стр. 199.

³⁴ Истинный свет. Поэма в девяти песнях. М., 1780.

ник повседневный каждого православного христианина»,³⁵ изданный В. Рубаном, и перевод «Потерянного рая», сделанный в стихах неким И. Владыкиным,³⁶ который устранил из поэмы Мильтона все ее революционное содержание и придал ей религиозно-мистический характер. И, наконец, «Вечерняя заря» в момент напряженной борьбы передовой русской интеллигенции против екатерининско-потемкинско-го режима выступает в защиту незыблемости власти государя, даже если этот государь несправедлив и употребляет свою власть во зло. «Естьли бы я жил под правлением государя, хотя и такого, который бы достоин был моего презрения, однако я его признавал бы, — читаем мы в одной из статей. — Нет ничего священнее государя, никого нет мерзостнее бунтовщика». Что же делать подданным, находящимся под властью тирана и деспота? «Покориться и лить слезы»,³⁷ — отвечает «Вечерняя заря». Это означает отказ от социальной активности литературы, от ее сатирическо-обличительной тенденции, т. е. от того, что выделяет «Утра» из остальных журналов конца 70-х—начала 80-х годов.

Мы уже видели, что журнал Плавильщикова не покорялся и не лил слезы при виде самодержавно-крепостнического произвола, открыто и нагло проявлявшегося в период фавора Потемкина, а резко обличал проявления этого произвола. Более того: журнал отваживался противопоставлять Потемкину таких опальных государственных деятелей, как Петр Панин и Румянцев, а самой императрице — ее сына Павла. Хотя эти деятели и не могут быть названы прогрессивными, но восхваление их являлось формой протеста против существовавшего режима, выражением оппозиции екатерининско-потемкинской реакции, а не уходом от политической борьбы, который проповедовала «Вечерняя заря».

«Утра» не были единственным сатирическим журналом в начале 80-х годов. В это время существовали и «Что-нибудь» В. А. Левшина, и «Рассказчик забавных басен» А. О. Аблесинова, и «От всего помаленьку». Но достаточно беглого сравнения указанных журналов с «Утрами», чтобы убедиться в резком отличии журнала Плавильщикова от этих так называемых сатирических журналов. Они были заполнены шутками, анекдотами, безобидными баснями, служившими для развлечения читателей. Сатира их никогда не выходила за рамки «улыбательной са-

³⁵ Помянник повседневный каждого православного христианина. Изд. Рубан, СПб., 1770.

³⁶ Потерянный и приобретенный рай, в стихах. Соч. Ив. Владыкина. СПб., 1776.

³⁷ «Вечерняя заря», 1782, ч. II, июль, стр. 200.

тиры» на общечеловеческие «слабости», не ставила перед собой сколько-нибудь серьезных общественных задач, в общем покорно следовала рецептам, предписанным Екатериной II. Журнал «Утра» занимал в вопросе о сатире принципиально иные позиции. Его сатирические выпады против вельмож, помещиков и духовенства никак нельзя назвать снисхождением к слабостям. Сатира «Утра» не была столь глубокой, столь острой, как сатира новиковских журналов, но заслуга Плавильщикова в том, что в период жестокой правительственной реакции и распространения масонских религиозных идей, в период, когда и сам Новиков почти отошел от сатиры, журнал «Утра» был единственным журналом, продолжившим передовые традиции русской сатирической журналистики.

Судьба «Утра» похожа на судьбу многих передовых журналов XVIII века. Последние его номера уже не столь интересны. В них нет больше сатирических обличений и зачастую печатается случайный материал. Это становится особенно заметно после четвертого августовского номера, в котором была опубликована «Ода на открытие памятника Петру I». По-видимому, содержащиеся в ней политические намеки обратили на себя внимание властей. В сентябре 1782 года издание журнала внезапно прекратилось, хотя он должен был издаваться в течение полугода, т. е. с мая по ноябрь. Есть основания предполагать, что Плавильщиков был вынужден кончить издание «Утра» из-за цензурных преследований.

С прекращением «Утра» журналистская деятельность Плавильщикова не прекратилась. Через десять лет вместе с Крыловым, Клушиным и Дмитревским он стал издавать один из лучших русских журналов XVIII века — «Зритель».
